

3. Зоценко М. Перед восходом солнца. Л.: Худож. литература, 1988.

4. Из воспоминаний Ивана Николаевича Рапацевича, 1911 г. рождения, записаны Н.Е. Марковой, 10.02.1994 г.

5. Иванчык І. Было жутко и страшно... // Светлы шлях. 2004. 4 чэрв. № 65–66.

6. Лизута В. О чем говорят документы // НГС. 2003. 28 мая. № 32–33.

7. Рогач А. Так будавалася чыгунка // Рэгіянальная газета. 2003. 2 снеж. № 50.

8. <http://www.belmagistral.by>

9. <http://www.genealogia.ru>

10. <http://www.library-smorgon.vcoz.ru>

11. <http://www.rw.by>

Э.Г. Иоффе (г. Минск)

БЕЛОРУССКИЕ ЕВРЕИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917 гг.)

В 1914 г. на современной территории Беларуси евреев проживало более 900 тысяч, или менее 12,8 % от всех жителей [1].

Страшным бедствием для еврейского и белорусского народов явилась Первая мировая война. Уже весной 1915 г. Беларусь пала прифронтовой полосой, а летом того же года ее западная часть превратилась в арену боевых действий и кровопролитных сражений. В итоге весенне-летних операций 1915 г. на русско-германском фронте территория Беларуси была разделена на две части: западная оказалась оккупированной немецкими войсками, а восточная превратилась в ближайший тыл действующей армии. Милитаризация народного хозяйства и боевые действия подорвали производительные силы, вызвали развал в промышленности, сельском хозяйстве, финансах, на транспорте.

Патриотический подъем, охвативший Российскую империю, не оставил в стороне и евреев. Мобилизация среди них прошла практически без недобора. Процент евреев в армии во время войны был выше, чем в составе населения страны в целом. В 1914 г. в армии насчитывалось 400 тыс. евреев, к концу 1916 г. их число возросло до 500 тыс. Некоторые евреи – выпускники

гимназий и университетов, освобожденные от призыва, — пошли на фронт добровольцами. Еврейские студенты заграничных университетов возвращались в Россию и добровольно шли в солдаты. Еврейские девушки записывались в сестры милосердия. В армии было много врачей-евреев и даже встречались офицеры-евреи.

На экстренном заседании Государственной думы депутат Н. Фридман говорил: «В настоящий час испытания... мы, русские евреи, как один человек станем под русскими знаменами и положим все свои силы на отражение врага».

В русской газете напечатали письмо солдата-еврея: «Милый дядя! Мы выступаем в поход на австрийскую границу. Я вполне спокоен, ибо иду с сознанием, что после войны евреям будет хорошо. Меня смерть не страшит, и я готов умереть за отечество и за мой народ. Пусть же я буду последней искупительной жертвой на заре новой жизни еврейского народа. Гриша».

Еврейская община Петрограда организовала на свои средства лазарет на двести кроватей и передала его в распоряжение армии. В Минске и других городах Беларуси выделяли места для раненых в еврейских больницах и богадельнях, и даже самые бедные общины обещали содержать за свой счет по десять-двадцать кроватей для раненых.

Тысячи евреев были награждены за участие в войне, некоторые стали полными Георгиевскими кавалерами. Многие из них были уроженцами Беларуси. Уже в начале войны появилось первое известие: «Вольноопределяющийся еврей Кац за отличие в бою при Гумбинене произведен в подпрапорщики и награжден Георгием. Знак отличия вручил Кацу лично командующий армией». После этого сообщения из фронтов стали печатать из номера в номер: «Гомельчанин Илья Тумаркин за выдающуюся храбрость награжден Георгиевским крестом и умер от ран, полученных в бою...; тяжелораненый Перников добрался до места назначения с важным секретным документом...; доброволец Фридланд под сильным огнем неприятеля вынес раненого офицера...; Мендель Берков первым ворвался в окопы германцев...; доктор Лурье под убийственным огнем артиллерии оказывал

помощь раненым...; врач-доброволец Шварц из Вильно за самоотверженную работу награжден золотым Георгием и назначен старшим врачом...» [2].

Тем не менее с первых дней войны среди высшего командного состава армии и военной администрации прифронтовых районов стали широко распространяться слухи о якобы поголовной поддержке Германии евреями Российской империи.

В начале войны в польских газетах появились статьи об «австрийской ориентации» евреев, которые якобы шпионили в пользу врага, встречали его хлебом-солью и снабжали провиантом. Обвиняли евреев в «проявлении радости» при появлении немецких войск; писали о складах оружия в иешивах и синагогах, о сигналах неприятельским аэропланам с крыш домов, о бутылках с планами военных крепостей, которые пускали к немцам по течению реки Неман. Находились «очевидцы», которые видели «собственными глазами», как евреи откармливали гусей золотыми монетами и отгоняли их к врагу и как из Германии прилетали на цеппелинах мужчины в длинных лапсердаках для сбора денег. Евреям ставили в вину и знание языка идиш: в отличие от прочих жителей, они свободно разговаривали с немцами, — а это вызывало сомнение. Даже еврейские бороды попали под подозрение: под бородой — ходили слухи — евреи прятали телефонные аппараты для связи с немецкими офицерами.

В российской армии были очень популярны рассказы о поголовном участии еврейского населения в шпионаже в пользу Германии. Немало евреев было расстреляно без суда или по приговору военно-полевых судов (если дела евреев, обвинявшихся в шпионаже, разбирали гражданский суд с участием защитников, в подавляющем большинстве случаев им выносили оправдательные приговоры).

Военное командование России стало брать евреев в заложники не только на польских землях, но и на территории самой России. 24 декабря 1914 г. три заложника-еврея были расстреляны в городе Сохачеве. Иногда офицеры российской контрразведки подбрасывали евреям компрометирующие их документы и требовали выкуп за прекращение дела. Только одним контр-

разведывательным отрядом по сфабрикованным делам были расстреляны 18 евреев [3].

В зоне боевых действий военное командование расклеивало объявления – в городах и на железнодорожных станциях: «В каждом населенном пункте будут взяты евреи-заложники, отвечающие жизнью за враждебные акты, совершенные их соплеменниками». В заложники брали чаще всего раввинов и уважаемых граждан еврейских общин. К лету 1915 г. около 400 заложников сидели в тюрьмах Полтавы, Екатеринослава и Могилева, и порой их вешали без суда и следствия – за поступки неизвестных им людей [4].

Летом 1915 г. прошли еврейские погромы в прифронтовой полосе – в Гродненской, Ковенской, Виленской, Минской и Волынской губерниях. К обвинению евреев – местных жителей – добавлялось и обвинение против евреев-солдат в трусivosti и дезертирстве. Протопресвитер российской армии отец Георгий Шавельский, постоянно находившийся в Ставке, но ездивший и в части и осведомленный в событиях 1914–1915 гг., в своих воспоминаниях пишет:

«С первых же дней войны... начали усиленно говорить о евреях, что евреи-солдаты – трусы и дезертиры, евреи-жители – шпионы и предатели. Рассказывалось множество примеров, как евреи-солдаты перебежали к неприятелю или удирали с фронта; как мирные жители-евреи сигнализировали неприятелю, при наступлении противника выдавали задержавшихся солдат, офицеров и пр. и пр. Чем дальше шло время и чем более ухудшались наши дела, тем больше усиливались ненависть и озлобление против евреев. С фронта слухи шли в тыл... создавая настроение, уже опасное для всего русского еврейства» [5].

Наибольшей враждебностью по отношению к еврейскому населению отличалось высшее военное командование России – главнокомандующий великий князь Николай Николаевич и начальник штаба Ставки генерал Н. Янушкевич (поляк, принявший православие). Безосновательно заявив, что во время одного из боев русская часть была выбита из прифронтовой деревни и понесла большие потери из-за того, что в «подвалах евреями были спря-

таны немецкие солдаты», Николай Николаевич и генерал Янушкевич приказали выслать все еврейское население из большей части Курляндской (28 апреля 1915 г.) и Ковенской (5 мая 1915 г.) губерний. В приказе также говорилось, что «...в отношении евреев, проживающих в ныне занятых германскими властями местностях, надлежит проводить указанную меру (выселение. – Э.И.) немедленно вслед за занятием их нашими войсками». Высланных отправляли в некоторые районы черты оседлости.

На долю белорусских евреев и всего еврейского народа выпали особо тяжелые страдания. Он оказался в прифронтовой полосе фактически вне закона. В Ковенской губернии выселение было поголовным: из Ковно вывозили больных, раненых солдат, семьи фронтовиков. Выселение осуществлялось в очень тяжелых для евреев условиях (на сборы давалось 48 часов; часто не разрешали брать самые необходимые вещи; высланные подвергались издевательствам, их перевозили в товарных вагонах с надписью «шпионы»), что вызвало волну возмущения в России и за границей.

Путешествия длились неделями, а то и месяцами; составы подолгу стояли на станциях, пропуская военные эшелоны. В вагонной тесноте лежали вповалку больные скарлатиной и сыпным тифом. Люди голодали, болели и умирали в пути. Порой местные власти не принимали высланных, измученных долгой дорогой, и отправляли их назад. Один из эшелонов возвратили из Полтавы через Беларусь в Ковно, а оттуда его снова послали через Беларусь в Полтаву.

В своем выступлении в Государственной думе депутат Н. Фридман сказал: «Евреев пересылали в товарных вагонах, как скот, по накладным. Писали накладную: товар – 450 евреев – пересылается туда-то... Я видел выселенцев – дам и девушек, которые вместе с русскими дамами шили белье, собирали пожертвования, а теперь лежали на полотне железной дороги. Я видел семьи мобилизованных, я видел среди выселенцев раненых солдат с Георгиевскими крестами» [6].

Один из депутатов рассказывал с трибуны Думы, «с какой непомерной жестокостью производилось выселение евреев... в те-

чение нескольких ночных часов... под угрозой, что если кто-нибудь останется к рассвету, то все будут повешены... Стариков, больных, расслабленных, параличных приходилось нести на руках...»

Так началось физическое уничтожение старых гнезд еврейской жизни с их традиционным, устойчивым, многовековым укладом. В зоне боевых действий артиллерия разрушала до основания сотни маленьких городков и местечек Польши, Литвы, Беларуси и Украины, а вслед за артиллерией разгром завершали пехота и казачьи части. Во многом этому способствовало и изгнание евреев из районов боевых действий. В самый разгар Первой мировой войны один читатель написал в газету: «Умер еврейский городок... Умер маленький мирок нашей жизни. Жили люди, был городок, и нет его больше. Война поглотила его... Там, где прошли огонь и меч, выкосив все добро, нельзя свить нового гнезда. Там, где не на чем и нечего сеять, ничего не вырастет. В тех местах, где навет изгнал евреев, теперь, как вороны, слетевшиеся на поле битвы, начинают оседать чужие, продавая еврейские товары, оставленные изгнанниками. Они победили. Был городок – и нет его больше...»

На заседании Совета министров министр внутренних дел Н. Щербатов и министр земледелия А. Кривошеин прямо говорили, что Н. Янушкевич пытается свалить на евреев ответственность за неудачи на фронте. После этого военное командование 10–11 мая 1915 г. было вынуждено отдать приказ о приостановке выселений. Возмущенный этим, Н. Янушкевич писал Совету министров, что он считает «...все принятые в отношении евреев меры весьма слабыми и не остановился бы перед усилением их в более значительной степени».

Даже такой известный русский писатель, как Александр Солженицын, которого трудно заподозрить в симпатии к евреям, вынужден подчеркнуть: «Именно Янушкевич, летом 1915 г., прикрывая отступление русских армий, казавшееся тогда ужасающим, стал издавать распоряжения о массовых высылках евреев из прифронтовой полосы, высылках огульных, безо всякого разбора личной вины. Удобный ход: свалить все поражения на евреев...»

Тогдашняя высылка евреев видится особенно разительной на фоне того, что в 1915 не было, как в 1941, массовой общей эвакуации городского населения. Армия отходила, гражданское население оставалось на местах, никого не гнали – но именно евреев, одних евреев изгоняли, иногда повально и в самые короткие сроки, – кроме естественной обиды, еще и фактическое разорение, потеря жилья, потеря имущества – действительно еще один вид грандиозного погрома, и ведь уже от властей, а не от толпы? Как не понять еврейского горя?» [7].

10–11 мая 1915 г. был издан приказ остановить выселения евреев, и, казалось, они прекратились. В действительности массовая высылка евреев из прифронтовой полосы проводилась до лета 1915 г. И только 24 мая 1915 г. «его императорское высочество в виде особой милости к большинству еврейских семей повелел прекратить поголовную высылку их из мест постоянного жительства, разрешив высланным из западных губерний вернуться в местности, не входящие в район боевых действий» [8].

Жаботинский в итоге называл это выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. «катастрофой, кажется, беспримерной со времен Фердинанда и Изабеллы» испанских в XV веке [9].

Одновременно из числа раввинов, цадииков и богатых евреев официально вводится институт заложников, которые давали властям письменные поручительства за лиц, оставляемых на месте жительства. В случае каких-либо эксцессов заложники подвергались аресту, а их имущество подлежало секвестру [10].

Однако по требованиям военного командования «царская милость» зачастую во внимание не принималась [11].

В 1914–1916 гг. с продвижением германской армии на восток многие губернии черты оседлости стали ареной боевых действий. Значительная часть живших здесь евреев была вынуждена эвакуироваться. Среди этих беженцев было много белорусских евреев.

Белорусский историк В.Р. Корнелюк отмечает:

«На основании проведенного исследования есть возможность утверждать, что общее количество беженцев и эвакуированных из пяти губерний составило 1,2 миллиона человек на начало 1917 года» [12]. К сожалению, до сих пор не имеется точных

сведений о национальном составе беженцев. В книге белорусского историка З. Шибeko «Нарыс гісторыі Беларусі. 1795–2002» есть такие строки:

«Вместе с отступлением русских войск в 1915 г. на восток шли сотни тысяч людей, преимущественно женщин, детей и стариков. По приблизительным данным, из Беларуси в Россию выехало около двух миллионов людей (преимущественно православных)» [13].

С этим мнением З. Шибeko трудно согласиться. Правильнее будет сказать – «в большинстве православные», потому что среди них были десятки тысяч, если не сотни тысяч польских и белорусских евреев.

По данным «Краткой Еврейской энциклопедии», к концу 1916 г. насчитывалось около 350 тыс. беженцев-евреев [14].

Польские историки полагают, что из прифронтовой полосы было выселено около 500–600 тыс. евреев [15].

То, что среди беженцев было немало белорусских евреев, вынужден в конце концов признать и сам З. Шибeko. В этой же книге он отмечает: «В некоторых местах казаки, которые отступали последними, жгли деревни и местечки и гнали белорусов и евреев на восток почти с пустыми руками [16].

Поскольку города и местечки черты оседлости (частично уже оккупированной германскими войсками) не могли вместить сотни тысяч еврейских беженцев, летом 1915 г. делегация Еврейских комитетов помощи жертвам войны (ЕКОПО) во главе с уроженцем белорусского местечка Мир, еврейским общественным деятелем Г. Слиозбергом и бароном А. Гинцбургом посетила министра внутренних дел князя Н. Щербатова, обратившись к нему с просьбой об открытии внутренних губерний для евреев. На заседании Совета министров, где обсуждался этот вопрос, министр иностранных дел С. Сазонов указал, что союзники России по Антанте недовольны преследованием евреев, о которых много говорит немецкая пропаганда, а министр финансов П. Барк сообщил: «всеобщее возмущение по поводу отношения к евреям» приводит к «трудностям с размещением государственных бумаг».

Было решено, что «...необходим демонстративный акт по еврейскому вопросу». Но, опасаясь активного сопротивления правых фракций в Государственной думе, министры предпочли фактически упразднить черту оседлости на основании статьи 158 «Положения об учреждении министерств», дававшей правительству возможность в особых случаях принимать чрезвычайные решения в обход законов с разрешения императора, то есть без утверждения в Государственной думе.

15 августа 1915 г. был издан циркуляр Н. Щербатова, разрешавший «евреям жить в городских поселениях за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министерств Императорского Двора и Военного». Таким образом, запрет на проживание евреев сохранился лишь в Москве, Петрограде, областях Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, а также на курортах, где отдыхала царская семья.

Поток еврейских беженцев нарастал, и летом 1915 г. власти временно допустили их в города Воронежской, Тамбовской и Пензенской губерний. Но там не оказалось для них никакого пристанища, и тысячи евреев с детьми и вещами расположились на улицах, площадях и в подворотнях домов. Положение стало безвыходным, и этот вопрос поступил на обсуждение правительства. Министры уже понимали, что черту оседлости придется отменить.

В августе 1915 г. Николай II стал главнокомандующим русской армией, и массовые выселения евреев из районов боевых действий прекратились. Осенью 1915 г. был отменен и обязательный для евреев годичный паспорт и было разрешено получать бессрочный. В обществе преградные аргументы доламывались под напором войны.

Так навсегда рухнула продержавшаяся век с четвертью черта еврейской оседлости. Причем, констатирует Слиозберг, «эта мера, столь важная по своему содержанию... означавшая отмену черты оседлости, к которой тщетно стремились в течение десятков лет русские евреи и русские либеральные круги, прошла незаметно» [17]. Незаметно – из-за общего размаха войны. Потоки беженцев и переселяемых наводняли Россию.

Нельзя не согласиться со следующим выводом А. Солженицына:

«Так – за счет беженцев, выселенцев, но и немалых добровольных переселенцев – война значительно изменила расселение евреев по России, образовались большие еврейские колонии в городах дальнего тыла, особенно в Нижнем Новгороде, Воронеже, Пензе, Самаре, Саратове, да не меньше того в столицах. Хотя снятие черты оседлости не относилось к столицам, теперь они практически открылись» [18].

А из Ставки катилась волна распоряжений: изгонять евреев в армии с нестроевых должностей, особенно из писарей, хлебопеков, санитаров, телефонистов, телеграфистов. Еще отдельно изгонять из состава Земсоюза, Земгора, «Согора» (Союза городов), Красного Креста и Северопомощи, где евреи «скапливаются в большом изобилии, уклоняясь от прямой военной службы и используя свои удобные должности для разлагающей пропаганды в армии».

Один из циркуляров, изданных в апреле 1916 г., гласил, что в учреждениях Земсоюза Западного фронта «все важные отрасли канцелярского труда (в том числе и секретная часть) находятся в руках евреев», и назывались евреи, ведущие регистрацию и подшивку документов, а также заведующий информационным отделом, имеющий «по обязанностям своей службы свободный доступ в разные тыловые армейские и районные управления» [19].

Что можно сказать о положении евреев отдельных городов Беларуси в 1914–1917 гг.?

26 августа (8 сентября) 1915 г. Брест был оккупирован немецкими войсками. Евреев дважды выселяли из города и прифронтной зоны. Они рассеялись по городам и местечкам восточной Беларуси и многим регионам России. Лишь в 1917–1918 гг. начинается массовое возвращение тысяч евреев в полуразрушенный, опустошенный войной Брест.

В том самом страшном для белорусских евреев 1915 году казачьими частями был устроен погром в Гродно. В апреле 1915 г. евреи Гродно были высланы из города. В конце этого года было создано временное правление религиозной общины Гродно,

объединившее все городские синагогальные общины. В состоявшихся уже в начале декабря 1916 г. выборах постоянного состава правления приняли участие 112 представителей не только от синагогальных общин, но и от различных благотворительных еврейских организаций, существовавших в городе. Это, а также тот факт, что вновь избранное правление должно было включать, кроме собственно религиозной, еще финансовую, продовольственную, благотворительную, хозяйственную и образовательную секции, повлияли на отказ немецких властей признать результаты выборов.

Немецкий президент города распорядился провести новые выборы правления гмины до 14 января 1917 г. Через неделю после этой даты, 21 января, было утверждено новое правление в составе 7 членов.

Последние шесть месяцев немецкой оккупации (ноябрь 1918 г. — апрель 1919 г.) ознаменовались расцветом местного самоуправления и вошли в историю города под названием «Гродненской республики» [20].

Во время Первой мировой войны в Минске сконцентрировались тысячи еврейских беженцев, выселенных русским командованием из прифронтовой зоны. Среди них были учащиеся и преподаватели Воложинской иешивы во главе с раввином Хаимом Соловейчиком, мирской иешивы во главе с раввином Авраамом Тиктинским, из Радуня (раввин Хофец Хаим), Слободской иешивы во главе с раввином Мордехаем Гофштейном. Их разместили в синагогах и квартирах минских евреев. В квартире минского городского магида Биньямина Шаковицкого часто ночевало столько беженцев, что не хватало кроватей. Тогда хозяин квартиры снимал с петель дверь и стелил на ней беженцам.

Евреям Минска, особенно тем, кто работал в организациях Союза городов и земств, в 1916 г. пришлось пережить волну антисемитизма со стороны Министерства жандармского управления Российской империи. Перед нами один из секретных документов штаба главнокомандующего Западным фронтом. Это донесение начальника Минского губернского жандармского управления минскому помощнику начальнику разведывательного

отдела штаба главнокомандующего армиями Западного фронта от 7 марта 1916 г. В нем говорится: «По полученным сведениям, в техническом отделе организаций Союза городов и земств среди инженеров русских и поляков растет возбуждение и даже враждебность по отношению к евреям, которые везде занимают более спокойное место, втискиваются в помощники руководителей и начинают интриговать – кроме того, относятся, видимо, враждебно к войне и тыловой подготовке, высказываясь, что все наши старания ни к чему не поведут, – часто намекают на негодность Высшего Командного состава.

За евреев стоят земские деятели, техники же и вообще специалисты все против евреев и говорят, что раньше евреев знали по рассказам и вечной песне об угнетенном племени, а теперь, когда жизнь столкнула их с евреями в работе и совместной деятельности, они отшатнулись от евреев, как от зловредных элементов; по их мнению, евреи вредны и опасны для русского народа.

О вышеизложенном сообщая Вам для сведения.

Полковник (подпись)» [21].

8 марта 1916 г. в своем донесении в управление Всероссийского земского союза при 10-й армии полковник Евстафьев сообщал:

✓ «Командующий армии положил резолюцию: предложить Управлению Всероссийского Союза уволить со службы всех евреев. Если управление не выполнит немедленно этой меры, отказаться от услуг В.З.С., так как польза, приносимая Союзом армии, не покрывается тем огромным вредом, который причиняют евреям, находящимся на службе В.З.С., своей шпионской деятельностью» [22].

✓ К большому сожалению, донесениям о недостойном поведении евреев и их «шпионской деятельности» был дан ход, и решением Управы комитета Западного фронта Всероссийского земского союза еврей-служащие и технические работники были уволены.

✓ В постановлении Управы комитета Всероссийского земского союза Западного фронта прямо говорилось:

«Уволить всех евреев в 2-дневный срок» [23].

В те печальные дни газета «Новый путь» в материале «Страничка из истории общественных организаций» писала:

«Мы в помещении бюро труда, в Минске. У столика заведующего стоит группа рабочих – еврейские столяры – и рассказывают короткую историю, только что случившуюся с ними. Их 14 человек, они работали на учреждения Земского Союза и внезапно получили расчет, мотивированный только тем, что они – евреи.

К этому рассказу, к «повести о том, как благосостояние русского государства было нарушено 14 евреями-столярами и сколоченными ими скамьями и столами», – что к ней прибавить? Что сказать нам, которые знаем, что это не скверный анекдот и не отдельный факт, а новая твердая система?

Земский Союз... Он был большой любовью, лучшим романом русского общества за военный год, символом общественности, суррогатом народного представительства...» [24]. Но обратимся к фактам 7 марта 1916 г. В Министерстве жандармского управления родилась на свет замечательная бумага, которой был дан быстрый ход. Высоким слогом, с лирическими отступлениями освещается настроение «среди инженеров русских и поляков» в «технических отделах организаций Союза Городов и Земского». Это настроение – «рост враждебности по отношению к евреям»... Резолюция Управы комитета Западного фронта Всероссийского земского союза от 26 марта гласит следующее:

«Привести в исполнение, хотя увольнение служащих данной категории чрезвычайно увеличит трудности для своевременного выполнения принятых Земским Союзом заданий, вместе с тем, зная деятельность ныне увольняемых служащих-евреев как своих товарищей по общей работе, Управа считает своим долгом свидетельствовать об их ревностном и безупречном отношении к делу...» [25].

Немало бед пережили в 1914–1917 гг. евреи Сморгони. Еврейская община города впервые упоминается в 1628 г., хотя возможно, что она возникла и раньше. В 1631 г. Литовский ваад признал Сморгонь центром округа, в который вошли окрестные общины. В 1897 г. в Сморгони жило 6743 еврея, или 75,6 % всего

населения местечка. В начале XX в. в Сморгони было 16 синагог, два бет-мидраша, три талмуд-торы, еврейское начальное училище и больница.

В 1915 г. значительная часть евреев была выслана из Сморгони, оказавшейся в прифронтовой зоне, во внутренние районы России. Ремесленники, изгнанные из Сморгони, положили начало кожевенному производству в Ростове-на-Дону, Харькове и других городах России.

В годы Великой Отечественной войны на территории Сморгони существовало два гетто. По одним данным (НАРБ, ГАРФ), в декабре 1941 г. было расстреляно 3280 узников гетто. По другим данным (КЕЭ), евреи Сморгони летом 1942 г. были депортированы в Каунас и Панярай, где почти все погибли. В 1989 г. в городе жило 29 евреев. В Израиле действует объединение выходцев из Сморгони, которое в 1965 г. выпустило книгу об истории еврейской общины города.

Уроженцами Сморгони являются талантливый конструктор, изобретатель, рационализатор, израильский ученый-историк, автор двухтомной книги «В решающей войне» (1981, 1992) Арон Абрамович, известный еврейский прозаик Ахарон Кабак (1883–1944), который жил в Иерусалиме, классик белорусской еврейской литературы Моисей Кульбак (1896–1937), израильский военачальник, основатель ЭЦЕЛа Давид Разиэль (Розенсон) (1910–1941), видный общественный деятель Израиля, многократный депутат Кнессета Эстер Разиэль-Ноар (Розенсон), лауреат Государственной премии Израиля, артист театра «Габима» Шмуэль Роденский (1905–1989), израильский востоковед, археолог и общественный деятель Израиля Нохем Слущ (1872–1966), еврейский поэт и прозаик, лауреат Государственной премии Израиля и других престижных премий, почетный гражданин Тель-Авива Аврахам Суцкевер.

Таким образом, период Первой мировой войны принес большинству белорусских евреев неисчислимы страдания. Как и все евреи Российской империи, они были заподозрены в шпионаже и симпатиях к Германии, были выселены из прифронтовой полосы, пополнили ряды беженцев из Беларуси. Сотни евреев

стали заложниками, а десятки из них по сфабрикованным делам были повешены как немецкие шпионы. Все евреи стали жертвами политики государственного антисемитизма.

История белорусских евреев в 1914–1917 гг. – неразрывная часть истории Беларуси в этот период.

Литература

1. *Куповецкий М.С.* Евреи в Белоруссии. Краткий исторический очерк // Документы по истории и культуре евреев в архивах Беларуси. Путеводитель. М., 2003. С. 31.
2. *Кандель Ф.* Очерки времен и событий из истории российских евреев. Часть третья: 1882–1920 годы. Иерусалим, 1994. С. 302.
3. Краткая Еврейская энциклопедия. Т. 7. Иерусалим, 1994. С. 358.
4. *Кандель Ф.* Очерки времен и событий. Ч. 3. С. 304–305.
5. *О. Георгий Шавельский.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: В 2 т. Т. 1. Нью-Йорк, 1954. С. 271.
6. *Кандель Ф.* Очерки времен и событий. Ч. 3. С. 306.
7. *Солженицын А.И.* Двести лет вместе (1795–1995). Ч. I. М., 2001. С. 479–480, 484.
8. Национальный исторический архив Беларуси (далее: НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49 128. Л. 1
9. *Слиозберг Г.Б.* Дела давно минувших дней: Записки русского еврея: В 3 т. Т. 1 / Вступит. статья В. Жаботинского. Париж, 1933. С. XI.
10. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49 128. Л. 1, 10, 11.
11. Там же. Л. 25.
12. *Карнялюк В.Р.* Праблема гісторыка-дэмаграфічнай характарыстыкі бежанцаў з беларускіх зямель // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Серыя 1. № 2. Гродна, 2000. С. 20–26.
13. *Шыбека Э.* Нарыс гісторыі Беларусі. 1795–2002. Мінск, 2003. С. 175.
14. Краткая Еврейская энциклопедия. Т. 7. С. 358.
15. *Najnowsze dzieje zydow w Polsce (do 1950 roku).* Pod. red. J. Tomaszewskiego. Warszawa, 1993. S. 116.
16. *Шыбека Э.* Нарыс гісторыі Беларусі. С. 175.
17. *Слиозберг Г.Б.* Т. 3. Париж, 1934. С. 341.
18. *Солженицын А.И.* Двести лет вместе. Ч. 1. С. 492.
19. *Лемке М.* 250 дней в царской Ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916). Пг., 1920. С. 792.
20. *Чернякевич А.* Гродненская еврейская община в годы польско-советской войны 1919–1920 гг. // Евреи Беларуси. История и культура. Сб. статей. Вып. VI. Минск, 2001. С. 97.

21. Быт евреев в России. Материалы по истории русского еврейства. 1900–1917 годы. Составление, закл. статья и примечания Н. Портновой. Иерусалим, 2002. С. 52–53.

22. Там же. С. 56.

23. Центральный Архив истории еврейского народа (Иерусалим). НМФ. 592.

24. Земский и Городской Союзы (Земгор, 1914–1918) – всероссийские организации, созданные для помощи больным, раненым и беженцам; выполняли интендантские заказы. Существовали уездные, губернские, фронтовые комитеты союзов.

25. Новый путь, 1916. № 21.

Р.М. Беляускене (г. Вильнюс)

КОМИТЕТ ЕКОПО И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СМОРГОНИ В 1919–1930 ГГ.

Еврейский комитет помощи жертвам войны (ЕКОПО) был создан в Петрограде в 1915 г., и учреждение его было вызвано необходимостью оказания помощи пострадавшему от военных действий еврейскому населению. С первых дней деятельности комитета в его задачу совместно с другими еврейскими организациями (Обществом распространения труда среди евреев – ОРТ, Обществом охраны здоровья среди евреев – ОЗЕ, Обществом распространения просвещения среди евреев – ОПЕ, международной еврейской организацией «Джойнт») входили сбор денежных средств и распределение их между нуждающимися в них лицами через местные комитеты ЕКОПО. Возглавляли названный комитет такие авторитетные лидеры российского еврейства, как барон А. Гинзбург, Г. Шлосберг, Д. Файнберг, М. Винавер, Л. Брамсон, Ю. Бруцкус. Комитет поставил перед собой задачу не только материальной помощи нуждающимся, но также в круг его обязанностей входила помощь еврейскому населению в сфере религиозного и светского образования и культуры.

Уже с первых же дней после начала Первой мировой войны большинство еврейских общин Российской империи оказалось в